

**Диахронический подход к рассмотрению концепта
(на материале немецкого языка)**

В рамках семантико-когнитивного анализа языка, как одного из направлений когнитивной лингвистики, особую актуальность вследствие своей недостаточной разработанности представляет проблема *диахронического рассмотрения* концептов, в частности развития способов его вербализации в диахронии.

Исследование, фрагмент которого представлен в настоящей статье, проводится на примере концепта «пространство», самого интересного, сложного и важного из всех существующих концептов, т.к. сквозь его призму нами воспринимается все сущее в мире, все доступное нашему уму и нашему истолкованию.

Пространству свойственны универсальность и всеобъемлющий характер, что позволяет ему наряду с категорией времени формировать пределы, в которых разворачивается человеческая жизнь, определяя тем самым все остальные категории, связанные с антропоцентрической сферой: право, социальное устройство и т.д. [Маслова 2004: 77, 88].

В своем исследовании мы сосредоточились на анализе ментального представления о пространстве III-XIII вв., эпохи раннего Средневековья (III-V века) и его расцвета (VI-XIII века)¹.

Выбрав в качестве объекта исследования ментальный образ пространства, сформированный когнитивным сознанием человека, мы рассматриваем, прежде всего, эволюцию этого ментального представления, связанную с изменением в духовной и материальной культуре и влекущую за собой изменения в способах вербальной репрезентации концепта «пространство» в диахронии.

---

¹ Данная периодизация предложена историком-медиевистом Ж. Ле Гоффом

Занимаясь анализом концепта «пространство», мы исходим из понимания самого концепта как явления лингвокогнитивного и лингвокультурного.

Под концептом с точки зрения лингвокогнитивного подхода мы вслед за А.П. Бабушкиным, Н.Н. Болдыревым, Е.С. Кубряковой, З.Д. Поповой, И.А. Стерниним понимаем ментальное образование, являющееся базовой единицей мыслительного кода человека, обладающее относительно упорядоченной внутренней структурой, представляющее собой результат познавательной (когнитивной) деятельности личности и общества и несущее комплексную информацию об отражаемом предмете или явлении, об интерпретации данной информации общественным сознанием и его отношении к данному предмету или явлению.

Концепт с точки зрения лингвокультурного подхода определяем, разделяя точку зрения С.Г. Воркачева, В.И. Карасика, С.Х. Ляпина, В.А. Масловой, Г.Г. Слышкина, Ю.С. Степанова, как ментальную проекцию элементов культуры, коллективное ментальное образование, фиксирующее своеобразие культуры и отмеченное (как сама культура) ценностной составляющей (наличие ценностного элемента рассматривается в качестве основополагающего отличительного признака лингвокультурного концепта от других ментальных единиц (фреймов, сценариев, скриптов).

Наиболее адекватным способом описания концепта «пространство» представляется установление бинарных оппозиций (напр. «*внутренний (срединный)-внешний*», «*близкий-далекий*», «*свой-чужой*», «*хороший-плохой*»), которые реализуют основные параметры описания пространства и образованы семантико-парадигматическими рядами соответствующих языковых единиц. Члены оппозиций вступают друг с другом в многомерные системные связи. Так, например, ментальное представление о «срединном пространстве»¹ (это место обитания человека, здесь сосредоточена вся его

---

¹Срединное пространство – днв. *mittilagart* – в дохристианском представлении пространство, располагающееся в центре мироздания (и.-е. **medhio-s* «находящийся в середине»), между верхним миром

жизнедеятельность, это священное пространство, обладающее наибольшей аксиологической значимостью для человека (особенно в дохристианскую эпоху), это также место совершения ритуалов и поклонения божеству) оказывается членом оппозиции «свой» в противопоставлении «чужому», «обжитой» – в противопоставлении «неокультуренному», «мир, населенный людьми» – в противоположность «верхнему миру (бога)», «защищенный» – в противоположность «опасному».

Семантико-парадигматические ряды языковых единиц, которые образуют оппозиции, составлены корневыми, производными, сложными лексемами, а также фразеологизмами, которые в структуре значения имеют или имели в какой-то период своего исторического развития пространственную сему.

Выявленные языковые единицы (репрезентанты концепта) были подвергнуты семантико-этимологическому анализу, который заключался в реконструкции первичной семантики слова, в изучении развития его значения и установлении способов его семантической трансформации.

Результатом семантико-этимологического анализа языковых единиц, вербализующих концепт «пространство», является описание значений лексем через перечисление образующих их сем.

Набор сем, установленный в результате семантико-этимологического анализа, отражает когнитивные (дифференциальные и классификационные) признаки исследуемого концепта, которые могут быть рассмотрены в качестве основных составляющих структуру концепта как многомерного образования со сложной структурой.

Описывая структуру концепта набором когнитивных признаков, трактуем дифференциальный признак (далее КДП) как «отдельный признак объекта, осознанный человеком и отображенный в структуре соответствующего концепта как отдельный элемент его содержания». Под

богов и нижним царством изгнанных, чужих, и являющееся огороженным (и.-е. *ghortos* «огорожное место»).

когнитивными классификационными признаками, также когнитивными классификаторами (далее ККП) понимаем компоненты содержания концепта, отражающие тот или иной «аспект, параметр категоризации соответствующего объекта или явления и обобщающие в структуре концепта однородные когнитивные дифференциальные признаки» [Попова, Стернин 2007: 127-128].

Рассмотрим представление о чужом пространстве в период Раннего Средневековья и его расцвета (христианскую эпоху). Для этого остановимся на семантико-этимологическом и когнитивном анализе соответствующих репрезентантов.

О том, что наиболее значимым когнитивным дифференциальным признаком чужого пространства является КДП «далекий», свидетельствует анализ лексемы *fremd* и двн. *fremidi*, свн. *fremede / vröm(e)de* со значением «отдаление».

Свидетельством того, что далекое, чужое пространство недружелюбно, опасно, странно, являются примеры из древних языков, в которых соответствие двн. *fremidi* имело значение «недружественный, незнакомый», а также «необычный, редкий».

Фразеология, эксплицирующая мировоззрение человека, менталитет народа, нации, отношение людей друг к другу, позволяет выявить интереснейшие факты, свидетельствующие о том, что в чужой земле все странно и необыкновенно, например, *In der Fremde fließt das Wasser bergauf* (SWL) – «На чужбине и река течет в гору». Человек на чужбине обречен на одиночество, отсутствие близких, друзей: *Die Fremde hat keine Freunde* (SWL).

В процессе когнитивной интерпретации полученных в процессе семантико-этимологического анализа данных относительно чужого пространства можно сделать вывод об изменяющемся отношении к чужой стране и к чужестранцам. Последние обозначались двн., свн. лексемой *gast* «чужак» (ср. и.-е. **ghosti* «чужак, воинственный чужеземец», лат. *hostis*

«чужак, враг») устойчивыми выражениями *j-m gast sîn* (PWB) «быть чужим кому-либо» или *gast sîn* «быть далеко, быть чужим». В диахронии слово претерпевает семантическую трансформацию, заключающуюся в улучшении значения (17 в.), что объясняется изменением отношения человека к приходящим в дом и к самому процессу приема «пришедших извне».

Когнитивные признаки «далекий» и «чужой» реализуются в языке также лексемами двн., свн *wît* (*wîto* «далеко», *witî* «ширь, безграничность») и двн. *ferro*, свн. *ver*, а также их синонимами, напр. свн. *unnâch*.

Двн. *wîtuobele* «далекое пространство» (двн. *uobele* «чрезмерно», «сверх меры» → нвн. *ûbel* «плохой, злой, страшный, неприятный») позволяет сделать вывод относительно того, что чрезмерно протяженное пространство воспринималось исключительно негативно, расценивалось как таящее в себе зло, несущее неприятности (в нвн. сема меры утрачена лексемой *ûbel* полностью).

Интересно также значение свн. *infern* – «ад». На примере этой лексемы можно проследить соотнесенность двух сем – смерти, связанного с ней страдания, и далекого пространства. Вербализация обозначенных семантических компонентов лексемы (и их соответствующих когнитивных дифференциальных признаков) позволяет вывести такой классификационный когнитивный признак чужого, далекого пространства, как «негативное воздействие пространства на находящегося там человека (причинение вреда)», что прослеживается и на фразеологическом уровне на примере пословицы *Fern vom Haus ist nahe beim Schaden* (SWL) «Вдали от дома – вблизи от беды».

Вербальная реализация КДП «далекий, удаленный» происходит посредством двн. *rûmo*, *girûmi* «далеко, вдалеке». В их основе лежит и.-е. корень **reu-*, **ru-* со значением «открытое пространство». Провести параллель между двумя значениями («даль, далекий» и «открытое пространство») позволяет однокоренной глагол двн., свн. *rûmen* со значением «освободить место», «наводить порядок, убирать», который объединяет в

себе два соответствующих КДП. По мере заселения территории возникла необходимость освоения далеких земель, их расчистка от леса (в нвн. *räumen* сохранилось значение «корчевать, расчищать участок под пашню»).

Следующей лексемой, представляющей чужое пространство, является двн., свн. *ort* (герм. **uzða*). Пространственное значение слова, свойственное современному языку, не было основным в двн. и свн. периоды. Главным было значение «острие оружия, меча, копья, дротика, край чего-либо». По мере развития лексемы пространственная сема становится преобладающей, что позволяет слову употребляться в значении «угол, (дальняя) сторона, край местности, сама местность» (EWK), о чем свидетельствует устойчивое выражение *Die vier ort der wërldē (PWB)*, которое находит широкое использование в свн. в значении «весь / целый мир».

Человека, пришедшего из чужой земли, обозначали сложным прилагательным двн. *elilenti*, свн. *ellende*, второй компонент которого несет значение пространственности, причем пространство, исходя из значения обозначающей его лексемы (и.-е. **lendh* «степь, пастбище, свободное от насаждений пространство»), является скорее своим. Однако первый компонент меняет значение слова до противоположного. Он восходит к и.-е. **alios*, и.-е. **ali* «там», герм. **alja* «другой» (ср. гот. *aljis* «другой», также греч. *allos* «враждебный», лат. *alius* «за границей», «в другой стране»). Таким образом, двн., свн. *elilento* означает «за пределами страны, на чужой стороне», *elilenti* «чужбина, пребывание на чужбине». Подтверждением вышесказанного могут служить соответствующие фразеологические выражения: свн. *daz elende būwen* → *das elend bauen (SWR)* «жить в чужой земле», *ins elend fahren / gehen (SWR)* «отправляться на чужбину (по собственной воле!)», а также «быть изгнанным» – *ins elend schicken / jagen / treiben* или антонимичное им выражение *aus dem elend heimkehren, holen* «возвращаться с чужбины на родную землю», а также фразеологизмы со значением пребывания в чужой стране *im elend sein / bleiben / lassen*.

Итак, пребывание в чужой стране, изгнание ассоциируется со страданием, это отражается на семантическом развитии лексемы. Практически полностью происходит утрата пространственной семы, сема «мучение, страдание» остается доминантной. Именно в таком значении слово приходит в нвн. (ср. современный контекст употребления лексемы *das graue Ellend kriegen, er ist elend, elend aussehen*).

КДП «далекий», «внешний» / «находящийся за границей своего» реализуются в языке двн. *enti*, свн. *ende* «конечный пункт» «конец, цель, направление». В основе лежит герм. корень **andja*, который имеет общее происхождение с двн., свн. префиксом *ant-* (нвн. *ent-*) со значением «напротив, навстречу, перед» (ср. греч. *antios* «лежащий напротив»). Таким образом, двн. *enti*, свн. *ende* описывают чужое пространство как расположенное по ту сторону границы.

Вербальными репрезентантами концепта чужого пространства являются также двн. *wuosti*, *wuostweldi* и свн. *wüeste*, исходный и.-е. корень **eu-* имеет значение «недоставать». Таким образом, речь идет о территории, находясь на которой, человек чувствует себя лишенным чего-либо, беспомощным, беззащитным. Кроме того, подчеркивается нетронутость земли хозяйственной деятельностью, ср. зап.-герм. **wôsti-* «необработанная земля» (ЕWK). Необработанность земли, ее некультуренность является, на наш взгляд, первым и самым важным признаком, позволяющим интерпретировать пространство как не-свое и далекое.

КДП «некультуренность» является одним из многих (наряду, напр., с КДП «пустынный, одинокий» и «дикий») признаков, вербализованных лексемой *wild*, что позволяет нам, несмотря на далеко не доминирующий характер соответствующей семы, рассматривать лексему *wild* в качестве языкового репрезентанта концепта «чужое пространство» (ср. также свн. *verwilden* имеет значение «отчуждать»). В пользу этого свидетельствует наблюдаемое родство *wild* с лексемой *Wald*, ср. гот. *wilpeis* «дикая олива», др.-исл. *villr* «заблудший», др.-сакс. *wildi* «пустынный». Германские

соответствия двн., свн. *walt* швед. *vall* «пастбище, равнинная территория, густо поросшая травой, др.-норвеж. *vollr* «невозделанное поле» позволяют сделать вывод относительно первоначальной трактовки леса как необрабатываемой человеком земли. Двн. сложная лексема *waldfeld* «дикое / заросшее поле» описывает процесс расширения границ «своего» в результате целенаправленного проникновения на территорию «чужого», окультуривание территории, занятой лесными насаждениями (свн. *rûmen*).

В ментальном представлении чужому пространству присущи КДП «беспорядок», «тьма» (двн. *weraltfinster* – «(мировая) тьма»). Согласно М. Элиаде, дикие, невозделанные области уподобляются хаосу, они относятся к еще не дифференцированному, бесформенному бытию, предшествующему сотворению [Элиаде 1987: 36].

Чужому пространству также свойственен КДП «сверхъестественное», поскольку чужое – это несакральное пространство, населенное чужими (*heidenlant* «страна язычников», также субстантивированное прилагательное *heipana «живущий в лесу», позже в связи с христианизацией – «нехристианин»), а также, согласно мифологическому взгляду на мир, нечеловеческими существами (двн. *risônburg* «город великанов», двн. *riso* букв. «существо, обитающее в горах»).

Описывая чужое пространство, остановимся на лексемах, обозначающих стороны света. Их анализ выявляет интереснейший факт, заключающийся в том, что отрицательно маркированным является пространство запада и севера, тогда как, согласно точке зрения Вяч. Вс. Иванова и В.Н. Топорова, что восток и юг – положительно маркированы.

«Злое намерение маркируется не-востоком. С западом связано представление о заходящем солнце, несчастье. Противопоставление юг-север изоморфно противопоставлению восток-запад. Юг как положительный член оппозиции связывается с солнцем, днем, теплом, север же – с ночью, зимой, холодом» [Иванов, Топоров 1965: 109-111].

Сказанное можно подтвердить следующими языковыми фактами. Двн. *nordsîta* представляет собой сложное слово с корнями *nord* и *sîta*, трактуемое словарем как «северная земля». В ходе семантико-этимологического анализа выясняется, что во втором компоненте сложного слова имплицитно отрицательный КДП концептуализируемого пространства, подтверждением чего может служить др.-сев. *seið* со значением «колдовство», ср. также *absîte* в значении «лежащая в стороне местность», а также *ensît* «по ту сторону, на другой стороне, за» [Маковский 2004: 366].

Что касается первого компонента, то его исходное значение (ср. двн. *nordan*, свн. *norden*) – «внизу», «слева», от и.-герм. **ner-* «вниз, внизу». А все, трактуемое в контексте нижнего мира и связанное с ним, имеет отрицательную коннотацию. Таким образом, лексема со значением «север, северная сторона» также может служить репрезентантом концепта «чужое пространство».

С рассмотренными выше оппозициями коррелирует также противопоставление «правый-левый», сопоставляемое Ю.М. Лотманом по своей значимости с оппозицией «верх-низ» и рассматриваемое им как универсальное для всех человеческих культур [Лотман 2000: 175]. Подобно компонентам «север» и «запад», сему «плохое, злое» включает в себя оппозиционный член «левый».

Очень подробно оппозицию «правый-левый» рассматривают С.Г. Проскурин, а также Т.В. Гамкрелидзе и Вяч. Вс. Иванов. Др.-англ. *swiðra*, *swiðor*, *swaðu* «правый» имеет значение «сильнее» (от прил. *swið* «сильный»). То есть «правый» считался превосходящим «левый», что объясняется физиологическим различием правой и левой руки человека. Правая рука воспринимается как наиболее активная, функционально основная, с которой связано понятие положительного и благоприятного в противоположность более пассивной (и уже поэтому ассоциирующейся в представлениях древнего человека с чем-то неблагоприятным, неполноценным) левой руке [Проскурин 1990: 37-49], [Гамкрелидзе, Иванов 1984: 784].

Проведенный анализ позволяет сделать следующие выводы относительно концептуальной структуры чужого пространства. К его основным КДП, вычленяемым на основе восприятия средневековым человеком объективного окружающего мира, относятся такие, как: «снаружи», «внизу», «далекий», «плохой», «несакральный характер», «дикий, необработанный, запущенный, некультурный, лес», «за чертой», «пограничные, крайние, конечные области», «антимир» (← беспорядок, хаос), «странность» (колдовство), «иррациональность», «опасность, угроза», «темнота», «антисоциальное» (← недружелюбное, страшное, злое, населенное не-людьми, аморальное), «вред» (→ страдание, смерть). В соответствии с названными КДП можем выделить такие компоненты содержания концепта, выступающие также в качестве параметров категоризации чужого пространства, как: «(негативная) оценка» / «негативное воздействие пространства на находящегося там человека (причинение вреда)», «расположение (относительно центра)», «характер существования (бесструктурность, хаотичность)» (см. таблицу).

Все вышеперечисленные когнитивные признаки свидетельствуют о резко негативной оценке чужого пространства, о его отдаленном расположении от своего (в том числе и под землей), о его бесструктурном, хаотичном характере.

Таким пугающим и плохим чужое пространство представлялось средневековому человеку, миропонимание которого, не освободившись до конца от языческих образов, определялось воздействием христианского вероучения.

Сравнивая выделенные когнитивные признаки, можно констатировать факт изменения системы оценок, в частности по отношению к чужому. Постепенно устанавливаются традиции гостеприимства (ср. улучшение значения слова двн., свн. *gast*: «чужак» → «гость»), гость находится под покровительством Бога. В христианском сознании чужое постепенно сменяется нейтральным «не-своим».

Проведенное исследование показало, что «наполнение» концепта меняется в диахронии, т.е. различен набор КДП, структурирующих концепт «пространство» на определенном историческом этапе: одни из них более актуальны, коммуникативно релевантны и значимы (они наиболее ярко представлены в структуре концепта), другие же в меньшей степени эксплицированы в структуре концепта.

Языковое сознание в связи с этим «продуцирует» наиболее адекватные способы вербализации когнитивных признаков, именно они и обуславливают особенности овнешнения рассматриваемого концепта.

Список литературы

1. *Бабушкин А. П.* Типы концептов в лексико - фразеологической системе языка.- Воронеж: Из-во Ворон. госуд. ун-та, 1996.- 104 с.
2. *Болдырев Н. Н.* Концепт и значение слова// Методологические проблемы когнитивной лингвистики: научн. изд./ под ред. И.А. Стернина.- Воронежский гос. ун-т, 2001.С. 25-36
3. *Воркачев С. Г.* Лингвокультурология, языковая личность, концепт: становление антропоцентрической парадигмы в языкознании // Филологические науки. 2001, №5. с.64-71
4. *Гамкрелидзе Т. В., Иванов Вяч. Вс.* Индоевропейский язык и индоевропейцы. (Реконструкция и историко-типологический анализ праязыка и протокультуры). – Тбилиси. Из-во Тбилисского университета, 1984. Т.2. – 1328 с.
5. *Иванов Вяч. Вс., Топоров В. Н.* Славянские, языковые, моделирующие семиотические системы (Древний период). М.: Наука, 1965. – 134 с.
6. *Карасик В. И.* Языковой круг: личность, концепты, дискурс. М., 2004, 390 с.
7. *Карасик В. И., Слышкин Г. Г.* Лингвокультурный концепт как единица исследования//Методологические проблемы когнитивной лингвистики: науч. изд./ под ред. И.А. Стернина.-Воронежский гос. ун-т, 2001.- С. 75-79
8. Краткий словарь когнитивных терминов // Е.С. Кубрякова, В.З. Демьянков, Ю.Г. Панкрац, Л.Г.Лузина.- М., 1996
9. *Кубрякова Е. С., Демьянков В. З.* К проблеме ментальных репрезентаций // Вопросы когнитивной лингвистики. Тамбов, 2007, № 4, С. 8-16
10. *Ле Гофф, Ж.* Цивилизация средневекового Запада. – Сретенск: МЦИФИ, 2000. – 370 с.

11. *Лотман Ю. М.* Семиосфера. – С.-Петербург: «Искусство – СПб», 2000. – 704 с.
12. *Ляпин С. Х.* Концептология: к становлению подхода//Концепты. Научные труды Центрконцепта. Вып. 1.- Архангельск, 1977.- С. 11-35.
13. *Маковский М. М.* Этимологический словарь современного немецкого языка. Слово в зеркале человеческой культуры. М., 2004. Изд-во «Азбуковник», – 630 с.
14. *Маслова В. А.* Введение в когнитивную лингвистику: Учебное пособие/ В.А. Маслова.- М.: Флинта: Наука, 2004.- 296 с.
15. *Попова З. Д., Стернин И. А.* Когнитивная лингвистика .- М.: АСТ: Восток-Запад, 2007.- с. 314
16. *Проскурин С. Г.* О значениях «правый-левый» в свете древнегерманской лингвокультурной традиции // Вопросы языкознания. 1990, № 5, С. 37-49
17. *Степанов Ю. С.* Константы. Словарь русской культуры. Опыт исследования. М.: Школа «Языки русской культуры», 1997

Список использованных исторических и этимологических словарей

1. *Baufeld, C.* Kleines frühneuhochdeutsches Wörterbuch. Lexik aus Dichtung und Fachliteratur des Frühneuhochdeutschen. Max Niemeyer Verlag. Tübingen 1996, S. 264
2. *Borhardt - Wustmann - Schoppe* Die sprichwörtlichen Redensarten im deutschen Volksmund nach Sinn und Ursprung erläutert VEB F.A. Brockhaus Verlag-Leipzig 1955
3. Etymologisches Wörterbuch des Deutschen / Wolfgang Pfeifer. Akademie- Verlag. Berlin Bd. I-III. 1989
4. *Kluge, F.* Etymologisches Wörterbuch der deutschen Sprache. Berlin, 2002
5. *Lexer, M.* Mittelhochdeutsches Taschenwörterbuch. Leipzig, 1956
6. *Paul, H.* Deutsches Wörterbuch. Max Niemeyer Verlag, Halle (Saale), 1954
7. *Schützeichel, R.* Althochdeutsches Wörterbuch. Max Niemeyer Verlag Tübingen. 2006. S. 445

Список используемых сокращений источников

1. (EWK) – Kluge, Friedrich Etymologisches Wörterbuch der deutschen Sprache. Berlin, 2002.
2. (PWB) – Jesko Friedrich Phraseologisches Wörterbuch der mittelhochdeutschen Redensarten, Sprichwörter und andere feste Wortverbindungen in Texten von 1050-1350. Max Niemeyer Verlag Tübingen 2006.
3. (SWL) – Horst und Annelies Beyer Sprichwörterlexikon. Sprichwörter und sprichwörtliche Sammlungen vom 16. Jahrhundert bis zur Gegenwart. Verlag C.H. Beck München. 1985.
4. (SWR) – Borhardt-Wustmann-Schoppe Die sprichwörtlichen Redensarten im deutschen Volksmund nach Sinn und Ursprung erläutert Veb. F.A. Brockhaus Verlag Leipzig 1955.